

Я очнулся, задыхаясь. Я чувствовал, как кровь свободно течет из моего шрама. Надо мной нависал Дамблдор, и я видел размытые очертания Волдеморта, поднимающегося с другой стороны атриума. Должно быть, он упал, когда в меня попало убивающее проклятие. А Дамблдор, вместо того, чтобы подстраховать его, бросился ко мне? Но, конечно, Дамблдор заботился о Гарри Поттере, несмотря на все манипуляции.

Он помог мне встать на ноги, как раз в тот момент, когда к месту конфликта начали прибывать люди. Волдемортом тем временем смотрел на свою палочку, словно хотел её сломать. Видимо, скоро он начнет охоту на Олливандера. Прежде чем кто-то успел сделать хоть шаг, он схватил Беллатрису и исчез, бросив на меня последний полный ненависти взгляд.

А Фадж, как и следовало ожидать, начал что-то лопотать, а потом спорить с Дамблдором. Пока всё это происходило, я просто бесстрастно смотрел на происходящее. В груди, в том месте, куда попало Убивающее проклятие, ощущалось жжение, но сейчас это было несущественно, факультет должен был в этом убедиться. Зрение все еще оставалось нечетким, и, пытаясь стереть кровь с лица, я понял, в чем причина. Как и положено по контракту, мое тело уже начало восстанавливаться, и дурацкие очки мне больше не требовались.

Я снял очки и посмотрел на них снизу вверх. Я не мог четко видеть свое отражение, но видел, что мой правый глаз уже трансформировался. Хорошо. Я услышал, что разговор Фаджа и Дамблдора подходит к концу, и решил двигаться. Пора было устроить представление.

Очки выпали у меня из рук, и, упав на пол, я раздавил их под ногами. Шум привлек всеобщее внимание. Я поднял голову и полностью открыл оба глаза. Это, похоже, испугало многих. Мне начинало нравиться то, что этот глаз оказывает на всех просто устрашающее действие. Я вытер кровь с правой стороны лица и стал подходить к Дамблдору.

Он, похоже, был больше всех напуган моим новым глазом. Я задался вопросом: почему? То ли дело в оттенке красного, то ли в кандзи. Но потом я понял, что у Гриндельвальда тоже была гетерохромия. В его глазах это, должно быть, напоминало ему и Риддла, и Гриндельвальда.

"Министр", - сказал я низким голосом. Но из-за тишины все меня слышали. "Надеюсь, вы не станете снова пытаться похоронить факты. В отличие от прошлых двух раз, здесь много свидетелей".

Закончив свою статью, я кивнул Дамблдору. Он вышел из оцепенения и приказал Порталу доставить меня в свой кабинет. Вместо того чтобы прикоснуться к ключу, я указал ему на карман.

"Он понял, что я имею в виду, и достал из внутреннего кармана крошечного Фоукса без перьев. Как только Фоукс оказался у меня в кармане, я прикоснулся к порталу, и меня без промедления ввели в его кабинет.

Пока я ждал Дамблдора, я положил Фоукса на кучку пепла, которая лежала под его насестом. Я слышал его милый писк, когда он зарывался поглубже в золу. Я тихонько хихикнул и сел в

кресло. Мне нужно было решить, как действовать дальше. Этот разговор с ним помог бы мне принять множество решений. Как раз в тот момент, когда он появился, я выбрал свой вариант действий. В министерстве я добивался тревожного эффекта, почему бы не продолжить его.

"Гарри, пожалуйста, пройдем со мной в больничное крыло. Нам нужно немедленно тебя осмотреть. Мы не знаем, как на тебя подействовало убийственное проклятие".

"Я в порядке. Мы пойдем туда, если ты хочешь, но сначала нам нужно поговорить".

Он все пытался убедить меня, но в конце концов сдался, все еще чувствуя себя неловко из-за того, что не оказал мне медицинскую помощь. С усталым выражением лица он сел на стул напротив меня и начал говорить о том, что я не должен винить себя в смерти Сириуса. Он начал перечислять свои недостатки: что не надо было отдаляться от меня, что надо было довериться мне о том, что представляет собой Отдел тайн. Во время разговора он то и дело бросал любопытные взгляды на мой правый глаз. Потом он рассказал мне о предательстве Кикимера, о том, почему меня отправили к Дурслям и прочую ерунду. Все это время я сохранял бесстрастное выражение лица, просто предлагая ему говорить, и это нервировало его еще больше, и он продолжал рассказывать.

Наконец, он раскрыл мне содержание пророчества, а затем рассказал, что, по его мнению, представляет собой сила, упомянутая в пророчестве. Вот и всё, настало время узнать, с какой версией Дамблдора я имею дело.

"Гарри, пожалуйста, скажи что-нибудь. Я многое открыл тебе в надежде, что ты поймешь причины моих действий. Но ты всё время молчал. Пожалуйста, говори", - умолял он меня. Надо отдать ему должное, за все время разговора он ни разу не применил ко мне легилименцию. Шестой путь, конечно, не облегчил бы ему задачу, но ведь главное - это мысль.

"Что ты хочешь, чтобы я сказал?"

"Что угодно. Кричать на меня, сомневаться в моих действиях? Говорите что угодно. Это молчание заставляет меня бояться, что с тобой что-то случилось".

"Что случилось, так это то, что я умер", - прорычал я. Не зная, что делать, моя магия вырвалась наружу и уничтожила все безделушки в комнате. Несколько портретов были пробиты осколками, а предыдущие директора школ возмущенно кричали. Я огляделся и попытался успокоиться. Мне казалось, что я притворяюсь, но, видимо, воспоминания подействовали на меня. Мне нужно было осознать, что я больше не являюсь ни Реем Найтом, ни Гарри Поттером. Теперь мы не были отдельными сущностями, и мне нужно было ещё раз напомнить себе об этом.

"Я умер и хотел остаться мертвым", - продолжаю я уже более мягким тоном.

"Что ты имеешь в виду?" - спросил он с болезненным выражением лица.

"Я видел их... своих родителей. И я видел Сириуса. Я хотел пойти с ними. Чтобы наконец-то стать свободным. Но они убедили меня вернуться в эту помойную яму, которую вы называете миром волшебников".

"Что еще ты видела?" - спросил он, но я подозревала, что он уже знает. Пришло время для кривого шара.

"Как давно ты знаешь?"

"Что я знаю, Гарри?"

"Однажды ты сказал мне, что Волдеморт передал мне часть своих способностей. Как давно ты знаешь, что это была не просто его сила?" горячо спросил я.

Он сделал длинный вдох и снял очки. Он помассировал висок, а затем медленно произнес.

"Еще раз прошу прощения за секретность, но, пожалуйста, отнеситесь ко мне с юмором и расскажите, что произошло. Тогда я отвечу на все ваши вопросы".

"Когда я разговаривал с ними, перед нами появился Волдеморт. Он был слаб, страдал. Повсюду текла кровь. Но это его не остановило. Он сказал, что устал от меня и что только один из нас может вернуться. И мы сражались. Мы боролись очень долго. Почему-то только мама помогала мне. Папа и Сириус просто исчезли. Я даже не помню, сколько времени я там провел. Даже в ослабленном состоянии он был прямо-таки грозен. То, что произошло дальше, озадачивает меня до сих пор. Пока мы боролись, его тело начало трескаться, и из него начала вытекать темная жидкость. Чем больше мы боролись, тем больше становились трещины. Наконец, мама ударила его проклятием, и его тело просто рассыпалось. В следующий момент я проснулся и почувствовал себя лучше, чем когда-либо. Как будто я всю жизнь был скован цепями, и вот наконец оковы разорвались. Зрение стало лучше, вся пульсирующая боль в голове исчезла, а мой разум и магия стали сильнее, чем когда-либо".

"Так вот что случилось и с твоим глазом?"

"Какой глаз?" - не ответив мне, он наколдовал передо мной зеркало. Мне даже не пришлось изображать удивление. Кровь засохла, и правая сторона лица выглядела из-за этого устрашающе.

"Но я не чувствую никакой разницы, исходящей от него..." сказал я. Дамблдор по-прежнему смотрел на меня с задумчивым выражением лица. Видимо, моя история сработала. Затем он достал свою палочку и жестом указал на шрам. Я кивнул и позволил ему внимательно рассмотреть шрам.

"Чудесно, я подозревал... но подумать только, что это действительно сработало. Мальчик мой, это все меняет", - заявил Дамблдор.

"Что вы имеете в виду?"

"Да, полагаю, я должен ответить на ваши вопросы. Когда вы спросили меня, как давно я это знаю, я бы сказал, когда вы принесли в мой кабинет вот это", - он достал дневник Риддла и указал на него.

"Дневник?"

"Да, мой мальчик. Видишь ли, я всегда подозревал, что Том сделал крестраж, - не успел я задать вопрос, как он жестом велел мне остановиться и продолжил, - Крестраж - это мерзкая магия, при которой человек расщепляет свою душу и хранит её часть в каком-либо предмете, чтобы избежать смерти. Твой шрам, который болел, когда он был близко, твоя способность говорить на змеином языке и связь между вашими умами вызвали у меня подозрения. Но когда я увидел это, то понял наверняка".

"И как ты собирался удалить его из меня?"

"Я... я потратил годы, пытаюсь найти способ. Я советовался с волшебниками из других общин, советовался со специалистами по снятию проклятий, гоблинами и прочими. Никто не знал, как извлечь осколок души из живого контейнера. Ты был первым в своем роде. Даже эта мутация твоего глаза, похоже, результат удаления".

"Значит, я был просто жертвенным агнцем?" Я зарычал, моя магия снова вспыхнула.

"Нет!" - горячо отрицал он, - "Сначала мне нужно было сохранить тебе жизнь из-за пророчества, но потом я стал заботиться о тебе. У меня сердце разрывалось от того, что я каждый год отправлял тебя к родственникам, но защита, которую давала древняя магия, была абсолютной. Мне следовало бы придушить Арабеллу за то, что она не рассказала мне, как плохо тебе там было, но я верил, что их ненависть утихнет, когда ты сможешь владеть магией. Я также верил, что кровь, которую ты теперь разделяешь с Волдемортом, гарантирует, что в случае удара погибнет только крестраж. И, к счастью, я оказался прав. Защиты Лили действительно чудесны... В любом случае, пожалуйста, прости меня за мои глупости, Гарри, я знаю, что должен был поступить лучше. Мои ошибки стоили тебе многого, и за это я прошу прощения".

Я ничего не ответил. Некоторое время мы просто сидели в тишине. Всё это время, пока он объяснял, я чувствовал, как ослабевает его контроль над окклюменцией. От него исходило огромное горе и чувство вины, и я чувствовал, что это искренне. Путь дэва нельзя было так просто обмануть. Это означало, что я имею дело не со злой версией его. Это радовало.

"Я... я не могу заставить себя полностью доверять тебе".

"Я понимаю, мой мальчик. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть твое доверие", - сказал он, от него все еще исходила аура скорби. Фоукс издал писклявый звук и, казалось,

вынырнул из пепла.

"Теперь нам нужно вас осмотреть. У мадам Помфри будет моя шкура за то, что мы так долго откладывали это".

<http://tl.rulate.ru/book/98526/3339981>